

Содержание

Введение	5
Глава I. Психолингвистическое исследование семантической подвижности слова	27
1.1. Неустойчивость лексического значения: перспективы психолингвистического исследования	27
1.2. Влияние условий речевой деятельности на актуализацию значения слова	35
1.3. Содержание научной и обыденной картины мира как детерминанта лексико-семантического варьирования	43
1.4. Ассоциативный эксперимент как метод исследования психологически актуальных смыслов	50
1.5. Краткий обзор прикладных задач психолингвистических экспериментов	56
1.6. Экспериментальное изучение семантического варьирования	60
1.7. Заключение	62
Глава II. Анализ речевого действия на основе данных ассоциативного эксперимента (на примере исследования механизма реализации прецедентности)	68
2.1. Фиксация в речевом действии мотива изменения значения	69
2.2. Выявление структурных компонентов речевого действия по данным ассоциативного эксперимента	73
2.3. Обоснование эффективности метода для выявления механизма деактуализации культурного знания	80
2.4. Место ассоциативного эксперимента в исследовании деактуализации культурного смысла прецедентных имен	88
Глава III. Ассоциативный эксперимент как метод диагностирования динамики базовой ценности.	105
3.1. Понятие «базовая ценность»	105
3.2. Экспериментальное исследование содержания лексемы работа как репрезентанта базовой ценности	116
3.2.1. Анализ дефиниций толковых словарей лексемы работа , репрезентирующей базовую ценность	118

3.2.2. Сопоставление ассоциативных полей слова-стимула <i>работа</i> по данным Русского ассоциативного словаря и пилотного ассоциативного эксперимента	120
3.2.3. Верификация данных ассоциативного эксперимента	127
3.3. Ассоциативное поле лексемы <i>Arbeit</i> как инструмент диагностики изменения ее значения	129
3.3.1. Анализ дефиниций толковых словарей лексемы <i>Arbeit</i> , репрезентирующей базовую ценность	129
3.3.2. Сопоставление ассоциативных полей слова-стимула <i>Arbeit</i> (по данным ассоциативного словаря и пилотного ассоциативного эксперимента)	132
3.4. Сравнительная характеристика динамики значения лексем <i>работа / Arbeit</i>	140
Глава IV. Сопоставительный анализ динамики «имперского» сознания американцев и русских (по данным ассоциативного эксперимента)	146
4.1. Верифицируемые гипотезы	149
4.2. Описание эксперимента	152
4.2.1. Состав участников	152
4.2.2. Экспериментальный материал	153
4.2.3. Порядок проведения эксперимента	155
4.3. Результаты эксперимента	155
4.3.1. Анализ АП, полученных при предъявлении стимулов <i>империя</i> и <i>empire</i>	156
4.3.2. Анализ АП, полученных при предъявлении стимулов, репрезентирующих компоненты образа ИМПЕРИЯ / EMPIRE	166
4.3.3. Анализ АП, полученных при предъявлении стимулов, репрезентирующих компоненты образа EMPIRE	173
4.3.4. Интегративный признак СИЛА / MIGHT как способ поддержания целостности образа ИМПЕРИЯ / EMPIRE	177
Выводы	179
Глава V. К проблеме классификации ассоциатов	182

Введение

Свободный ассоциативный эксперимент стал в отечественной психолингвистике одним из основных методов сбора эмпирических данных при моделировании ассоциативного поля, которое, в свою очередь, используется для решения самых разных теоретических и прагматических задач.

В ассоциативном эксперименте обнаруживается деятельностное отношение человека к миру, представленное специфической связью стимула и реакции в условиях конкретной деятельности, в том числе и речевой. Это отношение (мотив) определяет актуальные для индивида стратегии вербальной деятельности и опосредованно — специфику концептуализации мира. По данным эксперимента моделируется ассоциативное поле слова-стимула, которое представляет психологическое содержание, актуальное для носителя языка именно в данной деятельности. Ассоциативное значение стимула определяется посредством анализа дистрибуции реакций, что позволяет устанавливать актуальную психологическую структуру личностного смысла, репрезентируемого стимулом, и выявлять сдвиги в психологическом значении слова-стимула.

Ассоциативный эксперимент выводит в светлое поле сознания глубинные ментальные связи слова, и потому данные, полученные с его помощью, могут использоваться при решении многообразных задач психолингвистического исследования. Однако его проведение всегда требует тщательной методологической работы по установлению параметров исследования объекта, проверяемых в эксперименте, — в противном случае экспериментатор получает массив реакций, толкование которых не приводит к выявлению сущностных свойств научного объекта. Поэтому описание, а тем более интерпретация

психического процесса ассоциирования — сложная теоретическая проблема.

Важно отметить специфику исследования значения слова с помощью ассоциативного эксперимента, которую невозможно установить никаким другим исследовательским приемом: в нем проявляется способ актуализации психологического значения слова как предмета активной деятельности индивида. Исследуя такие способы, можно представить себе не только интегративный «механизм» динамики значения, но и выделить хотя бы некоторые психолингвистические принципы изменения семантики языка в стихийной речевой деятельности членов социума.

Предпочтения индивида в способах действия со словом определяются спецификой его образа мира и мотивами деятельности, но они — и образ мира, и мотивы — формируются под воздействием культуры. Регистрируя в ассоциативном эксперименте психологически актуальные смыслы, психолингвист тем самым создает эмпирическую базу для опосредованного изучения культуры: ассоциативный тезаурус — это и способ фиксации языковой способности носителя языка, «вероятностного мира языковой личности» [Караулов 1999: 7], и база для установления универсального и индивидуального в его организации.

За последние годы число работ, выполненных на базе свободного ассоциативного эксперимента, резко увеличилось. Активно развивается и ассоциативная лексикография. Помимо широко известных Словаря ассоциативных норм русского языка [Леонтьев 1977], Ассоциативного фразеологического словаря русского языка [Добровольский, Караулов 1994], Русского ассоциативного словаря [Караулов и др. 2002], Славянского ассоциативного словаря [Уфимцева и др. 2004], создаются новые ассоциативные словари различного типа, в том числе и электронные: Ассоциативный словарь подростка [Гуц 2004], Русский сопоставительный ассоциативный словарь [Черкасова 2008], Словарь-тезаурус ЕВРАС [Черкасова, Уфимцева 2014], электронный ассоциативный словарь в рамках проекта «Базовые ценности регионального языкового сознания русских Приенисейской Сибири»; Сибирский ассоциативный словарь (СиБАС) [Шапошни-

кова, Романенко URL: <http://adictru.nsu.ru>], а также различные дву-, и трехязычные словари, в частности [Голикова 2004], в том числе специальные [Кузина 2007], и многие др. Большое количество ассоциативных данных содержится также в кандидатских и докторских диссертациях.

Таким образом, создана серьезная эмпирическая база для решения актуальных теоретических вопросов о сущности речевого действия и его соотношения с речевой операцией; о вербализации психологически актуального смысла и его моделировании на основе ассоциативных полей слов-стимулов; о специфике динамических смысловых процессов и способах / средствах их диагностики и др.

Расширение эмпирической базы важно для осмысления проблем этнопсихолингвистики, исследующей специфические признаки этнической культуры, репрезентированные в языке: язык как элемент культуры того или иного этнокультурного сообщества с помощью системы смыслов, обнаруживаемой в ассоциациях, отражает этническую неповторимость. Следовательно, расширяется поле исследования межкультурной коммуникации.

Активизируются исследования, прагматически направленные на осуществление социальных программ, в том числе региональных, связанных с вербальным диагностированием внутриэтнической и межэтнической напряженности ([Пищальникова, Рогозина 2004], и напряженности в отношениях между разными социальными группами населения страны [Кирилина, Терентий 2014]. Кроме того, в настоящее время актуальны психолингвистические исследования базисных духовно-нравственных ценностей / антиценностей [Пэй 2018], [Хлопова 2018] и идеалов современной личности и факторов, определяющих социально-психологическую адаптацию человека к условиям мегаполиса.

Особое направление составляют психолингвистические исследования, объединенные общим названием «Лингвистическая безопасность» [Баженова, Пищальникова 2015].

Собранный ассоциативный материал позволяет создать психолингвистическую программу частичной социально-психологической и психолингвистической адаптации для наиболее уязвимых групп

общества (детей, подростков, пенсионеров [Бутакова, Гуц, Козловская 2018]) к условиям современной жизни, в том числе опосредованной виртуальной реальностью и текстами или сообщениями интернет-среды.

Вместе с тем имеющийся массив ассоциатов, к сожалению, не устраняет целого ряда проблем, связанных с проведением ассоциативного эксперимента и характером интерпретации реакций в отечественной психолингвистике. Это обусловливается не столько спецификой каждого конкретного исследования, сколько неразработанностью самой экспериментальной методики в применении к конкретным задачам исследования процесса порождения и восприятия (понимания) речевой деятельности.

Во-первых, в рамках исследования особой категории — *языкового сознания* при проведении эксперимента зачастую в качестве стимулов используются соотносимые, но не совпадающие по объему понятия и коннотативным признакам слова. С одной стороны, это следствие непрозрачности самого термина «языковое сознание», который в современной отечественной психолингвистике трактуется неоднозначно, но чаще как «совокупность образов сознания, формируемых и овнешняемых при помощи языковых средств — слов, свободных и устойчивых словосочетаний, предложений, текстов и ассоциативных полей» [Тарасов 2000: 26], то есть только та часть сознания, которая «овнешнена» в языковых единицах и их различных объединениях (системах). Образ сознания, по Е. Ф. Тарасову, — совокупность перцептивных, концептуальных и процедурных знаний носителя культуры об объекте реального мира, необязательно «овнешненных» средствами языка. Логично предположить существование в концепции двух соотносимых пар понятий: сознание (образ мира) — образ сознания, языковое сознание — образ языкового сознания. Однако эти понятия часто отождествляются. С другой стороны, такое отождествление содержания базовых терминов не позволяет сопоставлять и непротиворечиво интерпретировать ассоциативно-вербальные лексемы как в одном языке, так и в сопоставляемых языках. (Факт несовпадения значений понятийно сопоставимых лексем в разных языках общеизвестен: в широко известных работах В. Порцига, Й. Трира,

Л. Вайсгербера он детально обосновывается, например, при моделировании семантических полей. Так, Д. Слобин и Д. Грин отмечают, что в немецком и английском языках «семантические дистанции» между *другом* и *знакомым* различны: ряд лиц, которых немец причисляет к *Freund*, у англичанина попадают только в разряд знакомых [Слобин, Грин 1976]). Кроме того, едва ли вообще возможно предполагать, что одна и та же лексема репрезентирует одно и то же ментальное образование у носителей даже одной лингвокультуры, поскольку экспериментально доказано, что определенное слово может оказаться средством доступа к очень разным ментальным содержаниям [Залевская 2005]. Поэтому актуальна разработка методик, которые бы позволили провести значимое сопоставление смыслов, обозначаемых подобными словами, например, на основе общности тех или иных интегративных смысловых признаков; сходства отдельных компонентов в их структуре и т.п. Методологическая основа для создания таких методик — теория речевой деятельности А. А. Леонтьева.

Во-вторых, требует дополнительной аргументации и то, что произвольно «интегрированные» в один стимул слова обозначают *один и тот же* элемент сознания. В таких случаях очевидна недостаточность только ассоциативного эксперимента, и его результаты должны быть верифицированы с помощью других методов исследования.

В-третьих, состав семантических полей, в которые включаются стимульные лексемы, как правило, определяется исследователем на основе имеющихся лексикографических источников, и это вполне допустимая процедура. Но едва ли возможно при этом отождествлять два вида исследовательских конструктов — семантическое поле и ассоциативно-вербальное поле: последнее не может быть вычленено на основе исследования системных отношений лексических единиц языка.

Общая черта многих психолингвистических исследований — поверхностная интерпретация (часто прямолинейная и субъективная) содержания полученных в эксперименте реакций. А между тем «операции» и «измерения» фактического материала должны быть «детерминированы парадигмой намного более явно, нежели непосредственный опыт, из которого они частично происходят»; наука «отбирает

операции, уместные с точки зрения сопоставления парадигмы с непосредственным опытом, который эта парадигма частично определяет» [Кун 2003:168].

Однако задача установить содержание *образов сознания*, как правило, решается на базе лексикографических источников, представляющих инвариантное значение *лексических единиц*, соотносимых с реакцией. То есть ассоциат вырывается из речевого действия, реализованного в паре стимул–реакция, а только в нем и создается его актуальное содержание, формируется психологически актуальный для индивида смысл, а не инвариантные значения языковых единиц. Впрочем, лексикографические данные можно и необходимо включать в психолингвистический анализ, но при этом нельзя ставить знак равенства между ассоциатом как компонентом актуальной речевой деятельности человека и лексическим инвариантом как лингвистическим конструктом. Так, О. В. Степанова интерпретирует содержание ассоциатов, устанавливая подчас весьма спорные соотношения их с тем или иным культурным содержанием. Методом анализа избирается семантический гештальт Ю. Н. Караулова, как известно, не имеющий отношения к психолингвистической парадигме. Оттого и положения, защищаемые автором, относятся к выявлению содержания *понятий* «труд», «работа», а не содержания *образов сознания*. Например, выносится на защиту положение о том, что образ труда в языковом сознании современных русских и немцев определяется историческими, этническими и культурными стереотипами, что на образ труда оказывает влияние западноевропейская трудовая этика и деловая культура [Степанова 2006]. Очевидно, что ни о структуре, ни о специфике функционирования *образов сознания*, обозначенных определенными лексемами, составить представление только на основе анализа лексического значения этих слов нельзя.

Заметим, что отечественные психолингвистические исследования, как правило, базируются на субъективно ограниченном количестве стимулов, что практически не обеспечивает презентативность материала и тем более — статистически значимые результаты. Впрочем, статистическая обработка данных в отечественных психолингвистических исследованиях не производится (исключение состав-

ляют лишь работы А. Г. Сони́на [Сонин 1999; 2002; 2005]), что резко снижает достоверность результатов и дает основание зарубежным исследователям относиться к ним как к не вполне серьезным.

Отмеченные недостатки проявляются, например, в работе Л. П. Медведевой, изучающей национально-культурную специфику речевого мышления англичан, русских и бурят (на материале домена «игра») [Медведева 2005]. Теоретическая актуальность темы несомненна: в современной психологической и лингвистической науках не решены проблемы сущности речевого мышления, не установлены его закономерности, не определены приемы его обнаружения и др. Правда, едва ли корректно определять эту специфику на материале исследования всего лишь одной лексико-тематической группы (а именно она исследуется в названной работе). К типичным методологическим ошибкам можно отнести имеющееся в работе отождествление ассоциативного поля как фрагмента вербальной памяти человека с образом мира, дословно повторяющее следующее высказывание: «... ассоциативное поле того или иного слова-стимула — это не только фрагмент вербальной памяти человека, но и фрагмент образа мира того или иного этноса, отраженного в сознании «среднего» носителя той или иной культуры, его мотивов, оценок и, следовательно, его культурных стереотипов» [Уфимцева 2005: 308]. Однако ассоциативное поле — это не фрагмент вербальной памяти человека, а лингвистический конструкт, моделирующий структуру вербальной памяти, могущий подвергаться психолингвистической интерпретации. Вербальная память как свойство психики может «отражаться» в сознании, ментально репрезентироваться, но способы этой репрезентации также неизвестны и представляются в науке совокупностью разных моделей. Ментальные репрезентации невозможно исследовать непосредственно, поэтому основной способ их анализа — построение моделей. При этом основной задачей исследования моделей репрезентации является установление принципов организации знаний в них. Ассоциативное поле — лишь одна из многих (и не самых аргументированных) моделей ментальной репрезентации. (Подробно о моделях репрезентации см.: [Сонин 2002]. Она, как и другие модели, позволяет в рамках определенной методологии устанавливать при-